

О НОВОМ РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА «ЦДЛ»

ЦИТАДЕЛЬ

Когда разошлись пути литературы и государства...

"О ВЫ, КОТОРЫХ ОЖИДАЕТ отечество от недр своих...", "И слово Царь-освободитель за русский выступит предел...", "Я буду твоим цензором...", "Инженеры человеческих душ...". В разногласии подобных поэтических строк и исторических фраз таится сложная природа отношений литературы и государства. Порой трудно понять, где в этих отношениях противоборство, а где сотрудничество. Их загадка выходит за пределы творчества и политики, определяет судьбу не только Октавиана Августа и Овидия, не только семейства Медици и Макмавелли, не только Ярослава Мудрого и митрополита Илариона, но и судьбу каждого, кто прочёл живое слово. Поэтому так важно разгадать связь государства и литературы. А для этого нужно создать образ, метафору, символ, способный уловить ускользающее.

"ЦДЛ" Александра Проханова стал таким романом-ловушкой. Эпицентр повествования — легендарный Центральный дом литераторов. Он представлен как модель, конструктор советской литературы, как опредмеченный литературный процесс. Здесь есть место разнородным группам и течениям: "деревенщики" и "горожане", монархисты и либералы, диссиденты и представители национальных литератур, "тихие лирики" и стадионные поэты — все в пору перестройки находят пристанище в ЦДЛ. Непримиримые эстетические и мировоззренческие антагонизмы могут оказаться рядом в баре, в Дубовом или "лестром" зале Дома литераторов. Опустошённых после дневного письма или литературных хлопот он влечёт к себе, как чаша круговая с пьянящим зельем. От неё можно напиться новыми силами, увидев во внезапном дурмане призраки Горького, Фадеева, Федина — зачинателей советской эры литературы. Каждый из пришедших, оказавшись за столиком с единомышленниками, будет коситься на оппонентов по соседству, но при этом в ЦДЛ не возникнет раздора. Какая-то неведомая сила именно здесь будет скреплять литпроцесс, сотворять из него единый организм, сложный сбалансированный механизм, будет приводить всё неустойчивое в равновесие.

ЦДЛ — это "первичный бульон" литературы, где одни могут потонуть навсегда, а другие вырваться на свет прежде неведомыми организмами — порождениями литературной эволюции, законы которой складываются не только за письменными столами, в редакциях или издательствах. Этой эволюцией движет всё та же неизъяснимая сила.

ЦДЛ — ковчег посреди житейского моря. На одной палубе празднуют юбилей, на другой — справляют панихиду, где-то презентуют книги, где-то читают стихи. Если попытаться разглядеть кормчего ковчега, то в нём не узнаешь ни председателя Союза писателей, ни редактора "Литературной газеты", ни директора ЦДЛ — он не из литературного мира.

Главный герой книги — молодой, но уже набравший силу писатель Виктор Куравлёв. В начале повествования он отменяет в ЦДЛ выход нового романа, в котором прозрел город будущего, цивилизацию будущего, где дымовой мечтой человек тянется к небу, обнаруживает в себе неиссякаемые творческие силы, одолевает смерть. В романе Куравлёва творение рук человеческих — машина — примиряется с природой, оживляется, одухотворяется, не поддается ветхости. Город будущего, описанный Куравлёвым, — город-сад, подобные сады станут расцветать по всей стране. Писателю грезится, что именно по такому пути пойдет советское государство и только ради этого стоит требовать перемен.

Друзья Куравлёва придерживаются разных убеждений, но они — одно поколение. Им, сорокалетним, с их творческими амбициями, хочется потеснить литературные авторитеты, занять со своим новым словом достойное место на творческом Олимпе. С вызовом в духе футуристов они мечтают создать клуб "Шестикрылых рыб" или нечто подобное, способное взорвать косное литературное сознание. Но в житейском море набегает перестроечная волна, и прежде неразлучные друзья оказываются разбросанными в разные стороны.

Куравлёв на развилке судьбы. Разноликые вершители литературных судеб одновременно предлагают ему поездку во Францию и в Афганистан. Париж — это переводы книг на иностранные языки, зарубежная публика, стремительное вхождение в круг либеральных писателей. Кабул — это репортажи о войне для "Литгазеты". Куравлёву предлагается стать "устами государства", показать афганскую войну не как "бессмысленную и беспощадную" бойню, а как имперский поход, как битву на стороне правды, как силу русского слова. Афганистан — это державная слава, подобная славе Скобелева, Верещагина и Гумилёва. Афгани-

стан — это вечная тяга русской души к таинственному Востоку. Куравлёв выбирает Восток.

Из поездки он привозит не только огненные газетные статьи, но и роман "Охотники за караванами". Автор ощутил себя "певцом во стане русских воинов", сопричастником ратного дела. Кажется, само государство — и редактор, и издатель романа. Но литературная среда отвернулась от Куравлёва, шарахнулась от него, как от "афганской чумы", окрестила "соловьём генштаба". В ЦДЛ Куравлёв стал нулевым человеком, к нему потеряли интерес либеральные покровители, сделала ставку на других.

Но одновременно с этим — одобрение Шолоховым, поддержка от писателей-фронтовиков: Михалкова, Бондарева, Георгия Маркова. Постепенно закручивается новый литературный водоворот. Возникает понимание, что литературный процесс на треть — творческий, на треть — организационный, а на треть — идеологический. И главный вопрос — какая сила берётся за третью составляющую. Для государства литература всегда была интересна не эпитетами и метафорами, а способностью

прозревать будущее, вдохновлять прозрениями и через это формировать настоящее. Ничто, кроме литературы, на это не способно. Горький создавал социализм не как творческий метод, а как мистическое учение, преобразующее действительность. Соцреализм был уникальным явлением, которое не ограничивалось секретарской прозой или производственным романом. Соцреализм вобрал в себя множество эстетик, множество образов будущего. Истории было из чего выбирать: будущее Есенина, Маяковского, Платонова, Твардовского, Белова, Распутина, Трифонова, Астафьева, Евтушенко, Рубцова.

Государство, наделённое образом будущего, берёт на себя и организационную составляющую литпроцесса, создаёт инфраструктуру литературы, сокращает путь автора к читателю. Литература становится столпом государства. К ней, как на юбилей Шолохова в Вёшенскую, стремятся все державные силы. Литература подобна солнцу, создающему целую космическую систему. Государство бережёт литературные кристаллы: Союз писателей, "Литературную газету", ЦДЛ.

Государство и литература — сообщающиеся сосуды. Это две птицы, для которых свито гнездо в сердце писателя, и только от него зависит, запуют ли эти птицы в унисон или заклюют друг друга.

Русская литература державна. Без державности невозможны были бы ни "Повесть временных лет", ни "Слово о полку Игореве", ни "Медный всадник", ни "Тихий Дон". Но в перестройку идеологическую составляющую литпроцесса начинают перехватывать антигосударственные силы, противники с "сатанинским умом".

Куравлёв чувствует начало распада, назревающий взрыв, видит предвещание общей гибели в смерти Трифонова, в инсульте Георгия Маркова, в раковой клетке Чаковского. ЦДЛ уже не ковчег, а "Титаник", неотвратимо плывущий на айсберг. Назревает "трагедия централизма", в противостоянии Горбачёва и Ельцина, Бакланова и Яковлева ломается ось государства.

Литература оказывается в эпицентре борьбы: многие спешно меняют одежды, маски и риторику, норовят укусить раненого советского льва. Куравлёв, способный своим словом рассеивать тьму, бросается спасать государство: пишет "Слово к народу", где призывает "сплотиться и остановить цепную реакцию гибельного распада", в противовес олиберализовавшейся "Литературке" создаёт патриотическую газету "День", обороняет вместе с писателями-фронтовиками здание Союза писателей от антисоветских единомышленников Евтушенко: "Все-ильные генералы, могучие партии, надменные хозяева жизни, — все разбежались, сдали страну. А писатели, братья его, без оружия, без танков, без бомбардировщиков, дают отпор врагу, как последний, обречённый на смерть батальон. Сберегают малый клочок земли, крохотный плацдарм, с которого начнётся наступление".

Куравлёв с тоской осознаёт, что Союз писателей, ЦДЛ были созданы как Цитадель, что сама литература — это Цитадель Отечества, со сдачей которой может погибнуть всё: семья, любовь, судьба.

Важно понять, почему "ЦДЛ" написан именно сейчас, почему автор вернулся к событиям тридцатилетней давности, которых прежде уже касался в романе "Надпись". Через роман о прошлом, созданный в настоящем, Проханов пытается восстановить связь времён, связь литературы и государства.

Вот уже три десятка лет литература — сирота, брошенная государством, а государство — скиталец с плотной повязкой на глазах. Оно видит лишь чёрные квадраты. Оно надеется на своём пути лишь на журналистов и политологов, но из них ненадёжные поводыри. Они лишь могут сказать "вот яма", когда все уже упали в яму. Отводти от ямы — дело литературы. Но она тоже утратила свой острый взор, разучилась в большинстве своём заглядывать за горизонт. Иные с точки Орфея смотрят в прошлое; иные ограничили пространство своих литературных миров офисами, кухнями и соцсетями. На многострунной лире русской литературы теперь едва колеблется несколько струн. Есть газеты, журналы, издательства, Союз писателей России, но без идеи, без нового литературного учения, без образа будущего, подхваченного государством, всё выглядит опустелым ульем.

Неслучайно в финале прохановского романа ЦДЛ сгорают от демонстративно подожжённого партбилета. Из пылающего гнезда вылетает духи советской литературы. Бесприютными птицами они уносятся в русские леса. И только юноша с чистым слухом, ещё не ввязавшийся за перо, различает их голоса.

Михаил КИЛЬДАШОВ

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ — имя для русской литературы конца XX — начала XXI века без преувеличения знаковое. За ним — не только выдающиеся произведения, отражающие картину советской, российской, русской жизни на этапах её исторических переломов, но и яркая, харизматичная личность, влившаяся на течение самого исторического процесса. Война в Афганистане, идеологические и политические коллизии времён перестройки, трагифарс антиперестроечного путча августа 1991 года, русская трагедия октября 1993 года — на всех этих драматических страницах истории нашего Отечества запечатлён образ Александра Проханова как мужественного, яростного и нестигаемого выразителя и защитника интересов страны и народа. И потому каждый его новый роман заведомо обречён на читательский интерес. Не стал исключением и роман "ЦДЛ".

Для неискушённого читателя новый роман Проханова своим названием как бы очерчивает тематический круг своего внутреннего действия. ЦДЛ — Центральный дом литераторов, профессиональный клуб советских писателей, место работы, проведения творческих мероприятий и вечернего отдохновения в клубном ресторане. Ну и, конечно же, это своего рода резервация, в границах которой государственным надзорным органам было удобно контролировать поведение "инженеров человеческих душ", дабы их творческие порывы не выходили за допустимые рамки. ЦДЛ был непосредственно связан с Союзом писателей СССР, являясь его структурным подразделением, поэтому вся официальная, полуофициальная и в определённой степени неофициальная писательская жизнь проходила здесь.

"Дубовые стены обеденного зала были коричневые, прокалённые, пропитаны табаками курильщиков, запахами кофейных зёрен, дымком жареного мяса, ароматами вкусных вин. Отломил ломтик дубовой доски, кинь в кепиток, и вода станет темнеть, как в чашечке кофе. Пей, макуя, маленькими глотками, вкусная, дождичная, когда появятся галлюцинации. Тебе вдруг явится Максим Горький, похожий на моржа, с вишневой трубой, только что провозгласивший мистическое учение соцреализма. Исаак Бабель, испивший славу своей слезной и кровавой "Конармией". Александр Фадеев вернулся из Кремля и нащупывает среди рукописей холодное тельце пистолета. Константин Симонов, щеголеватый, с обильными усиками, льёт вино в бокал очередной красавицы.

Все они выплывали из дубовых волокон, кружили под потолком вокруг туманной люстры и вновь погружались в стены..."

Властители дум — русские писатели начала XX века. На фотографии 1902 года слева направо: Степан ПЕТРОВ-СКИТАЛЕЦ, Леонид АНДРЕЕВ, Максим ГОРЬКИЙ, Николай ТЕЛЕШОВ; крайний справа: Иван БУНИН. Второй справа: Фёдор ШАЛЯПИН.

Открывая роман, неискушённый читатель обеспокоенно рассочтывает на то, что ему будет показана закусочная жизнь творческой интеллигенции, возможно, с пикантными подробностями, как это принято в современной прозе. Однако читатель, знакомый с творчеством Проханова, точно знает, что за интригующим названием непременно скрывается глубокое художественное обобщение, глубокий онтологический смысл. И оба читателя не будут обмануты в своих ожиданиях. Роман "ЦДЛ" откроет перед ними широкое, динамичное, увлекательное повествовательное полотно, раскрывающее сокровенную суть событий нашего прошлого, не столь уж отдалённого, но для значительной части наших соотечественников являющегося уже почти былинным.

"Большое видится на расстоянии", — сказал поэт. Многие события прошлого воспринимаются сегодня иначе, чем прежде, — в свете новых данных, под влиянием естественного переосмысления, логики эволюции исторических персонажей, смещения акцентов и так далее. История нашей страны конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века не является исключением. Перестройка обрушила уклад великой державы — СССР или Советской России. Мощь огромной страны оказалась бессильной перед механизмом деморализации народа, десакрализации традиционных ценностей, разложения и растления общества, "уставшего" от благополучия, от надвешней предкажуемости жизни, от омертвешного пантеона социалистических героев и кумиров. О причинах произошедшего сказано и написано немало, но до полного осмысления ещё далеко. На многие вопросы, связанные с причинами распада СССР даёт убедительные ответы Александр Проханов в своём новом романе. Писатель в те времена находился в гуще происходящего, встречался с высокими советскими государственными руководителями, принимал участие в событиях, ставших знаковыми. Для него все эти веки — не сухие исторические даты, а непосредственный опыт его жизни.

ФАБУЛА РОМАНА ТАКОВА. Писатель Виктор Ильич Куравлёв, достигший определённой известности, уверенный в своём будущем, получает сигнал от влиятельных литературных "кругов" о том, что его талант оценён и его готовы принять в некое элитное писательское общество, подняв таким образом его статус на качественно иную высоту. Куравлёв с волнением ожидает дальнейшего развития событий. Встреча с представителем этих влиятельных "кругов" в неформальной домашней обстановке закрепляет успех Куравлёва и делает вопрос о его "инициации" практически решённым. Тогда же у Куравлёва начинается страстный роман с женой военного Светланой Пожарской, муж которой находится в командировке в Афганистане. Вспыхнувшее чувство, с одной стороны, даёт новый импульс жизни Куравлёва, но с другой — порождает чувство вины: перед женой, которую он любит, однако изменяет ей, перед мужем Светланы, воюющим в Афганистане, и перед собой, страдающим от внутренней расщеплённости. В этот момент, момент происходящего в душе писателя экзистенциального выбора (или — или), ему поступает неожиданное предложение — поехать в командировку в Афганистан. Задание — написать правдивый репортаж для "Литературной газеты" о войне, которую в "демократических" СМИ с некоторой пор окрестили "преступной". После некоторого внутреннего колебания Куравлёв принимает это предложение, осознавая, что таким образом ставит под угрозу своё едва намечившееся повышение в неформальной писательской иерархии. В то же время он чувствует, что эта командировка является шансом ответить самому себе на многие важные вопросы и развязать или разубить какие-то внутренние узлы...

Действие значительной части романа происходит в ЦДЛ. Писательский клуб является как бы некоей условной "сценой", на которой разворачивается действие рокового жизненного спектакля. Развязка этого спектакля действующим лицам неизвестна, но главная, стержневая коллизия обозначена ясно и характеры обрисованы отчётливо. Диалоги и монологи представляют собой не только картину нравов творческой интеллигенции, но и концептуальные

полемические конструкции, воссоздающие разлом, происходящий вдалеке уже не монолитном писательском сообществе. В речах персонажей также формулируются мировоззренческие концепции, распространённые среди советской интеллигенции, утратившей веру в ценности, на которых было основано их благополучие.

"...За столом, где Куравлёв праздновал выход книги, уже вёлся бесконечный русский спор, не умолкавший добрые двести лет.

— Ты русский народ не тронь, слышишь, — пылко говорил Лишустин, задетый неосторожным замечанием Гуськова. — Он Божий народ. Через него в мир свет приходит. Он на себя все скверны мира берёт и тьму претворяет в свет. Поэтому его мир ненавидит, что он укоризна миру. Русский народ смотрит в небо, видит Небесное царство. Пока есть на земле русский народ, дотоль у людей будет ключ от Небесного царства. Оттого демоны быют русский народ, чтобы у него ключи отнять. Они хотят русский народ покорить, отнять ключи и отлучить от Небесного царства. Нет выше русской любви, русского терпения, русской веры в то, что когда-нибудь и на земле будет Небесное царство. Русские — люди неба. Соединяют небо и землю. Через русских небо нисходит на землю и на земле торжествует!"

В романе описан целый ряд ярких персонажей. Как правило, тех действующих лиц, которые уже отошли в мир иной, автор называет подлинными именами. Тех же, кто и ныне пребывает в здравии, писатель исходя из этических соображений называет условными именами, под которыми можно распознать прототипы. Поэтому роман представляет особый интерес для тех, кто был вхож в писательскую среду того периода, и в перспективе текст может стать косвенным источником материалов по истории литературы и общественных движений.

...Прибыв в Афганистан, писатель Виктор Куравлёв сразу же попадает в гущу событий. Емю в полной мере открывается ужас войны и в то же время — её глубинный, онтологический смысл. Описания военных действий представляют особую ценность романа. Художественный язык Проханова проявляется здесь в полной

ОДИНОКАЯ ЗВЕЗДА

Писательский цех как «жертва всеожжения»

Связь Куравлёва с Пожарской заканчивается резко, одновременно и трагично, и буднично. Светлана прерывает беременность вопреки желанию Виктора и разрывает отношения с ним. Яркая вспышка, озарившая жизнь двух людей, погасла, не оставив после себя ничего, кроме горького и болезненного воспоминания.

ЗАВЕРШАЕТСЯ РОМАН символической фантазмагорией. На глазах Виктора Куравлёва уходит в прошлое великая советская эпоха, и ЦДЛ, как один из символов духовной жизни и государственной идеологической мощи этой эпохи, теряет свой смысл и становится ненужным призраком — обиталищем фантомов недавнего прошлого. Образ советского писателя как властителя дум и учителя жизни растворился в атмосфере всеобщего распада; роль писателя в текущей истории уже не связана с системным благополучием, она определяется и выписывается заново, в координатах новой реальности. Прежние статусы и символы превратились в симулякры, которые и по сей день порой смешно и нелепо, как будто в некоем помрачении, цепляются за свою былую, давно не существующую харизму. Поэтому в художественной концепции романа ЦДЛ должен был именно сгореть, подводя основную черту под уходящей в историю эпохой. Но сгореть он должен в символическом, духовном смысле, словно подчёркивая, что всё, что осталось ныне там, где была советская литература, суть только мёртвая форма, внешняя оболочка того, что некогда было живым, могучим, наполненным, осмысленным, творческим и плодотворным. И хотя концовка романа формально идёт как бы вразрез с реалистическим принципом замысла, но этот шокирующий диссонанс выполняет важную художественную задачу. Динамика жанровых законов проявляет свой неизбывный потенциал, играя и переливаясь вероятными возможностями и допущениями. Поэтому переход романтического реализма в мистическую фантазмагорию воспринимается естественно и органично.

"...А ЦДЛ сгорел весь дотла. Быть может, в него попала шаровая молния во время "сухой грозы". Или повеса-писатель, прихитив за талию шаловливую Нину Васильевну, кинул горящий окурок в корзину с бумагами. Или обугленная страничка из партбилета Гуськова упала на сухой, как порох, паркет. Но Дом литераторов горел жарко. Было видно, как из горящих панелей Дубового зала, окутанные дымом, вылетают писатели. Непелный усадный Горький, похожий на моржа, размахивал руками. Бабель с лицом, похожим на скрученный узел. Длиннорукий, с колючими усиками Симонов. Щёкастый Фадеев. Задумчивый и печальный Твардовский. Их вылетало множество из горящих панелей. Они летели в небо, образуя круг, поджидая тех, кто спасался в него. Последней вылетела Лилия Брик, маленькая, как птичка, семеня в воздухе тонкими ножками. Писатели выстроились в клин и полетели из Москвы к далёким, в сыром золоте лесам. Писатели улетали из России. Москвичи, глядя на высокий клин, думали, что это талдомские журавли..."

В романе много вводных фрагментов и сюжетных линий, воссоздающих атмосферу, царившую в обществе на стыке двух эпох. Разговоры писателей в ЦДЛ, портрет деморализованной толпы, идущей за новыми вождями, описание обстановки в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, когда относительно немногочисленные на тот момент писатели-патриоты готовятся отразить вторжение врагов народа и государства... Предательство близкого друга, мировоззренческий конфликт с сыновьями, моменты истории создания легендарной газеты "День"... Все эти вводные фрагменты и эпизоды наряду с основным сюжетом в целом составляют важнейший компонент текста, что представляет собой бытийный фон, на котором разворачиваются основные события.

Роман "ЦДЛ" имеет в своей основе элемент автобиографичности и как её прямое следствие — исповедальности. Александр Проханов стремится рассказать о глубинной сути событий, от которых нас отделяют три десятилетия. Эти события оказали определяющее влияние на тот путь, которым пошла Россия после распада, а точнее — преднамеренного уничтожения СССР. Это правдивое художественное свидетельство — огромная ценность для России, для каждого из нас. Самобытный язык, яркая образность, жизненная достоверность — всё это делает роман одним из самых значительных явлений современной русской литературы.

Роман в книге дополняет поэма "Оплавленный январь" — произведение по своему духу лиро-эпического жанра в его современном выражении. Поэма является своего рода постскриптумом к роману, её медитативный ритм заворачивает, а пламенная исповедальность погружает в тревожную, полную причудливых образов и многозначных символов атмосферу русской героики и вечного чаяния Российской Мечты...

Когда померкнет всё на свете,
Когда пройдут все поэды,
Останется осенний ветер
И одинокая звезда...

Среди острова Буяна,
Среди горестей и мук,
Среди чёрного бурьяна
Расцветает синий луг...

Идеолог российской имперской возрождения, певец Русской Мечты Александр Андреевич Проханов своим новым романом задал новую высочайшую планку для современного литературного процесса.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ,
заслуженный работник культуры РФ